

Истории, которые остаются с тобой.

ДАТУННЫЙ БЕ

КНИГА 1. ЦАРАПИНЫ НА ЗРАЧКАХ.

ДАУРАНИЯ ТОРН

Истории, которые остаются с тобой.

Даурания Торн

**Латунный бес. Книга 1.
"Царапины на зрачках"**

«Автор»

2026

Торн Д.

Латунный бес. Книга 1. "Царапины на зрачках" / Д. Торн —
«Автор», 2026

Город Верум вырос вокруг Разлома, из которого тянется Бездна. Здесь не бывает тишины: даже ночью слышно, как внизу что-то смеётся. Здесь не бывает пустых зеркал: в каждом живёт либо тень, либо тайна, либо чья-то недосказанная смерть. И здесь не бывает случайных преступлений — только те, что заказывает сама Бездна. Яромир Савельев — бывший дознаватель Канцелярии, а теперь частный сыщик по прозвищу Латунный бес. У него нет магического дара, зато есть живая латунная рука, своевольное зеркало с духом прорицательницы и правило: не брать дел, от которых пахнет серой и безумием. Но это правило он нарушает, когда в городе вновь раздаётся вдовий смех — тот самый, что пять лет назад едва не свёл его с ума. Теперь у него всего несколько дней, чтобы понять: кто смеётся по ночам, почему у жертв на зрачках появляются царапины и что за дверь он когда-то открыл — и забыл. Потому что Бездна не прощает. Она ждёт. И на этот раз она зовёт его по имени.

© Торн Д., 2026

© Автор, 2026

Даурания Торн

Латунный бес. Книга 1.

"Царапины на зрачках"

Латунный бес.

Книга 1. «Царапины на зрачках»

Оглавление

Серия «Латунный бес»

Книга первая: «Царапины на зрачках»

№

Название главы

1

Дело о Вдовьем Смехе

2

Мост Вздохов

3

Мастерская с привидениями

4

Слепой переулок

5

Отражение дождя

6

Там, где дождь поднимается

7

Голос под смехом

8

Песня трамвая

9

Осколки

10

Подземное озеро

11

Голос под водой

12

Что осталось на дне

13

Голос в тумане

14

Аукцион отражений

15

Смех без глаз

16

Коридор без конца

17

Возвращение

18

Архив забытых

19

Тот, кто смотрит изнутри

20

Дверь изнутри

21

За дверью — ты

22

Спрыгнуть в него

23

Город поёт

24

Трещина

25

Карта трещин

26

Тот, кто открывает

27

Гвоздь изнутри

28

Мост Вздохов, второй визит

29

Свечи

30

Трещина в тебе

31

Белое пламя

32

Десять

33

Там, где началось

Аннотация

«Латунный бес: Царапины на зрачках»

Город Верум вырос вокруг Разлома, из которого тянется Бездна. Здесь не бывает тишины: даже ночью слышно, как внизу что-то смеётся. Здесь не бывает пустых зеркал: в каждом живёт либо тень, либо тайна, либо чья-то недосказанная смерть. И здесь не бывает случайных преступлений — только те, что заказывает сама Бездна.

Яромир Савельев — бывший дознаватель Канцелярии, а теперь частный сыщик по прозвищу Латунный бес. У него нет магического дара, зато есть живая латунная рука, своевольное зеркало с духом прорицательницы и правило: не брать дел, от которых пахнет серой и безумием. Но это правило он нарушает, когда в городе вновь раздаётся вдовий смех — тот самый, что пять лет назад едва не свёл его с ума.

Теперь у него всего несколько дней, чтобы понять: кто смеётся по ночам, почему у жертв на зрачках появляются царапины и что за дверь он когда-то открыл — и забыл. Потому что Бездна не прощает. Она ждёт. И на этот раз она зовёт его по имени.

Глава 1. Дело о Вдовьем Смехе

Дождь в Веруме не падал. Он **сочился** — медленно, тяжело, как масло из трещины в старом механизме. Капли не летели вниз, а висели в воздухе, набухали, сливались в длинные вязкие нити и только потом, будто устав, сползали по стенам, по крышам, по лицам. Город был пропитан этой влагой насквозь — от верхних ярусов, где в тумане прятались шпили, до нижних, где вода уже не капала, а стояла по щиколотку, отражая тусклый свет фонарей.

В башне на восточной окраине было тихо. Только изредка, когда порыв ветра бросал в окно пригоршню дождя, стёкла вздрагивали, и по комнате прокатывался короткий, жалобный звон.

Яромир Савельев сидел в старом кресле, закинув ноги на подоконник. В правой руке он держал кружку с остывшим чаем, в левой — ничего. Левая рука лежала на подлокотнике и **стучала**. Два быстрых удара. Пауза. Три медленных. Это был не нервный тик, не привычка. Это был Бубен — его латунная рука-паразит, которая жила собственной жизнью и не собиралась с ней расставаться.

— Перестань, — негромко произнёс Яромир.

Рука не послушалась. Она лишь сменила ритм: теперь это было что-то отдалённо похожее на похоронный марш.

— Очень смешно.

В ответ Бубен сжался в кулак, разжался и показал средний палец.

Яромир вздохнул. За годы совместной жизни он привык к характеру этой конечности, но иногда ему казалось, что Бубен ведёт себя наглее иного человека. Впрочем, может, так и было: в этой руке сидело нечто, что однажды вылезло из Бездны и не захотело уходить.

Он допил чай. Пахло в комнате, как пахнет в жилище холостяка, который не ждёт гостей: пылью, старым деревом, сушёной полынью и лёгким запахом машинного масла, который Бубен распространял, когда нервничал. А нервничал он почти всегда.

— Ладно, — сказал Яромир, опуская ноги на пол. — Раз не спится, будем работать.

Он подошёл к столу, выдвинул ящик, достал пачку дешёвых папирос. Прикурил от маленькой искры, вспыхнувшей на кончике указательного пальца правой руки. Дым поплыл по комнате, на мгновение застыл у зеркала, стоявшего в углу, и растаял.

Зеркало молчало. Но Яромир чувствовал, что оно **смотрит**.

— Доброй ночи, Вася, — произнёс он.

По стеклу медленно, как по запотевшему окну, поползли буквы:

«ТЕБЕ ПИСЬМО»

Яромир нахмурился.

— Какое ещё письмо?

«ПОД ДВЕРЬЮ. С НОЧИ. ОНО ЖДАЛО»

Бубен тут же оживился и выбил по столу тревожную дробь. Яромир посмотрел на дверь. Он точно помнил, что запирает её на два засова. И никаких писем под ней не было.

— Ты уверена?

«Я ВИДЕЛА. ЕГО ПРИНЕС ТОТ, КТО НЕ ХОДИТ»

— Тот, кто не ходит? Это, по-твоему, ответ?

«ЭТО ПРАВДА»

Яромир выругался сквозь зубы. «Тот, кто не ходит» — так в Веруме называли существ, которые не принадлежали этому миру. Они не летали, не ползали, не крались. Они просто **появлялись** — там, где их не ждали, и исчезали, оставляя после себя холод, запах озона и, как правило, чью-то сломанную судьбу.

Он подошёл к двери, отодвинул засов.

На полу лежал конверт.

Чёрная бумага, плотная, как кожа. Без марки, без адреса. Только сургучная печать с оттиском — дерево с корнями вверх, кроной вниз.

— Знак Перевернутого Ясеня, — тихо произнёс Яромир.

«НЕ ОТКРЫВАЙ» — проступило на зеркале.

— Почему?

«ПАХНЕТ ВДОВЬИМ СМЕХОМ»

Он замер. Вдовий смех. Два слова, от которых в Веруме становилось тихо даже в самых шумных тавернах. Это было не просто явление. Это был **приговор**. Вдова, потерявшая мужа насильственной смертью, начинала слышать во сне его убийцу. Сначала — шаги. Потом — голос. Потом — смех. И она смеялась в ответ. Сначала во сне. Потом наяву. Пока не сходила с ума.

— Значит, тем более надо открыть, — сказал он.

«ТЫ НЕИСПРАВИМ»

— Знаю. Поэтому ты меня и терпишь.

Он сломал печать.

Внутри оказался лист бумаги. На нём — одно предложение, написанное женским почерком, с сильным наклоном влево:

«Латунный бес, я знаю, кто смеётся по ночам. Приходи на Мост Вздохов в полночь. Приходи один. Или не приходи вовсе — тогда смеяться будут над тобой».

Подписи не было. Только внизу, в углу, — маленький рисунок: глаз. Вернее, зрачок. И на нём — тонкие, едва заметные царапины.

Яромир долго смотрел на этот рисунок. Потом перевёл взгляд на зеркало.

— Вася, — тихо сказал он. — Ты помнишь, что такое «царапины на зрачках»?

Зеркало молчало. Потом по его поверхности, как слеза, поползла капля конденсата. И в ней, преломляясь, проступило лицо Василисы.

«ПОМНЮ. ЭТО ТО, ЧТО ОСТАЁТСЯ, КОГДА ОНИ ЗАБИРАЮТ ТВОЁ ПОСЛЕДНЕЕ ВИДЕНИЕ»

Яромир кивнул. Он тоже помнил. Дело пятилетней давности. Женщина, которая смеялась во сне. И царапины на её зрачках, обнаруженные при вскрытии. Царапины изнутри.

Он сложил письмо, сунул в карман плаща.

— Похоже, нас ждут на Мосту Вздохов, — сказал он. — И, судя по всему, мы опять влезаем в дерьмо по самые уши.

Бубен радостно застучал. Предвкушающе. Как ребёнок, которому пообещали конфету.

Зеркало погасло. Но перед тем, как погаснуть, успело вывести:

«ВОЗЬМИ ГВОЗДИ»

Яромир усмехнулся.

— Обижаешь, мать. Он подошёл к столу, выдвинул ящик. Там, на бархатной подушечке, лежали гвозди. Длинные, серебристые, с едва заметной резьбой. Гвозди из лунного серебра. Единственное, что могло запечатать зеркало — или то, что лезет из него.

Он взял три штуки. Взвесил на ладони.

— Ну что, девочки, — произнёс он, обращаясь к Бубену и к зеркалу одновременно. — Пойдём посмотрим, кто там смеётся.

За окном грянул гром. Низкий, раскатистый, будто сама Бездна прочистила глотку. А трамвай, ползущий по мосту, застонал так жалобно, что у Яромира заныли зубы.

Дело началось.

Конец первой главы

Глава 2. Мост Вздохов

До полуночи оставалось три часа. Яромир потратил их с пользой: вычистил гвоздемёт, перебрал патронташ, зашил дыру на плаще, которая появилась сама собой — в Веруме вещи имели обыкновение изнашиваться быстрее, чем им положено по законам физики. Бубен при этом вёл себя на удивление тихо, только иногда дёргал пальцами, как будто перебирал невидимые струны. Это нервировало больше, чем если бы он колотил по столу.

— Может, сыграешь что-нибудь бодрое? — предложил Яромир. — Что-нибудь для поднятия духа.

Бубен показал кукиш.

— Ладно, — вздохнул он. — Тогда сиди и не мешай.

Он подошёл к зеркалу. Василиса не появлялась, но стекло не было пустым: по нему, как по запотевшему окну, стекали тонкие струйки конденсата, складываясь в узор, похожий на карту. Яромир присмотрелся. Это был Мост Вздохов — длинная висячая конструкция, перекинутая через узкую часть Разлома. С обеих сторон — башни-близнецы, заброшенные после того, как там поселилось нечто, что не любит света.

— Знаешь это место? — спросил он.

Стекло дрогнуло. По нему поползли буквы:

«ТАМ ЖИВУТ ТЕНИ. ОНИ УМЕЮТ ЖДАТЬ. НЕ СМОТРИ ВНИЗ»

— Почему?

«ПОТОМУ ЧТО СНИЗУ СМОТРЯТ В ОТВЕТ»

Яромир хмыкнул. Полезный совет. Особенно если учесть, что Мост Вздохов был единственным местом, откуда можно было увидеть дно Разлома без специального оборудования. И, по слухам, те, кто слишком долго смотрел вниз, начинали видеть там лица. Сначала смутно, как отражения в мутной воде. Потом — отчётливо. А потом они переставали видеть что-либо ещё.

— Не буду смотреть вниз, — пообещал он. — Только наверх. На звёзды.

«В ВЕРУМЕ НЕТ ЗВЁЗД»

— Значит, буду смотреть на фонари.

«ФОНАРИ ТОЖЕ СМОТРЯТ»

Яромир закатил глаза.

— Ты сегодня невыносима.

Зеркало на мгновение вспыхнуло мягким зеленоватым светом — это Василиса улыбалась. Потом буквы сменились:

«ЕСЛИ УСЛЫШИШЬ СМЕХ — НЕ ОТВЕЧАЙ»

— А если он спросит?

«ОН НЕ СПРАШИВАЕТ. ОН ЗОВЁТ»

Яромир помолчал. Потом кивнул.

— Понял. Не отвечать. Не смотреть вниз. Не доверять фонарям. Что-нибудь ещё?

«ДА. НЕ ДАВАЙ БУБНУ ТРОГАТЬ ЧУЖИЕ ВЕЩИ»

Яромир покосился на свою левую руку. Бубен изобразил невинность: растопырил пальцы веером и задрожал, будто его обидели.

— Это мы уже проходили, — сказал Яромир. — Ладно. Пора.

Он набросил плащ, проверил, что гвозди лежат во внутреннем кармане, по три на каждый случай. Сунул за пояс гвоздемёт. Надел респиратор — не из-за дыхания Бездны, к нему он давно привык, а чтобы лицо не запомнили случайные свидетели. В Веруме лишние свидетели долго не живут, но лучше перестраховаться.

— Вась, — позвал он уже у двери. — Если я не вернусь до рассвета...

«ТО Я НАЙДУ ТЕБЯ В ОТРАЖЕНИИ ЛУЖИ И БУДУ СМЕЯТЬСЯ НАД ТВОИМ ТРУПОМ»

— Как мило.

«ТЫ ЗНАЕШЬ, ЧТО Я НЕ УМЕЮ ИНАЧЕ»

Он усмехнулся и вышел.

Ночной Верум был другим. Днём он притворялся городом: скрипел колёсами, гудел трубами, торговал, ругался, спешил. Ночью сбрасывал маску и показывал истинное лицо — мокрое, бледное, с провалами улиц, уходящих в туман, как глотки голодных тварей.

Яромир шёл по нижнему ярусу, стараясь держаться ближе к стенам. Фонари горели через один, и те, что горели, давали не столько света, сколько теней. Тени были длинные, неестественно подвижные, и они не всегда повторяли движения своих хозяев. Яромир давно перестал обращать на это внимание. Почти.

Бубен напрягся, когда они проходили мимо старой часовни с облезлым куполом. Пальцы сжались в кулак, большой палец указал в сторону. Яромир остановился.

— Что?

Бубен не ответил — только задрожал мелкой дрожью. Яромир прислушался.

Сначала было тихо. Только дождь шуршал по крышам да где-то далеко стонал трамвай. А потом он услышал.

Смех.

Тихий. Женский. Он доносился из-за угла, из узкого проулка, забитого мусором и старыми ящиками. Смех был мелодичный, переливчатый, будто кто-то щекотал женщину, и она не могла остановиться. Но в нём не было веселья. Только пустота. И безумие.

Яромир медленно повернулся.

В проулке никого не было. Только лужа. Большая, с идеально гладкой поверхностью, не тронутой дождём. И в этой луже отражался фонарь. Но отражение было странное: фонарь стоял не вертикально, а под углом, будто упал. И рядом с ним, в отражении, кто-то стоял. Женщина. В длинном тёмном платье. Лицо было смазано, но поза — напряжённая, как у человека, который прислушивается.

Яромир замер. Василиса предупреждала: не смотреть вниз. Но это была лужа, не Разлом. И всё же...

Он сделал шаг назад. Женщина в отражении повернула голову. Медленно. Слишком медленно для живого человека. И Яромир увидел её глаза.

Вернее, то, что было вместо глаз.

Два тёмных провала, в которых, как в колодцах, что-то шевелилось.

А потом она улыбнулась. И рассмеялась. Прямо в луже, не разжимая губ. Смех пошёл рябью по воде, искажая отражение, и Яромир почувствовал, как холодная волна поднимается по позвоночнику к затылку.

Бубен сжался так, что захрустели суставы.

— Не сейчас, — прошептал Яромир. — Мы на задании.

Он отвернулся от лужи и зашагал дальше, стараясь не ускорять шаг. Ускорение означало бы, что он испугался. А Латунный бес не боится. Латунный бес просто не любит опаздывать.

Мост Вздохов вырос из тумана внезапно, как скелет древнего чудовища. Он был узкий, шагов пять в ширину, и подвешен на цепях, которые позванивали на ветру, хотя ветра не было. Настил из старых досок местами провалился, и сквозь щели поднимался пар — дыхание Бездны. Перила были увиты колючей проволокой, на которой висели высохшие цветы. Кто-то оставлял их здесь для тех, кто ушёл на дно.

Яромир ступил на мост.

Доски скрипнули. Цепи зазвенели громче. Внизу, в глубине, что-то вздохнуло — глубоко, протяжно, как спящий великан. Яромир не посмотрел вниз. Он смотрел только вперёд.

На середине моста, у перил, стояла фигура. Женщина в чёрном плаще с капюшоном, поднятым против дождя. Её лица не было видно, но Яромир узнал бы этот силуэт из тысячи.

— Долго же ты шёл, — сказала она. Голос был хриплый, прокуренный, с лёгкой насмешкой. — Всё ещё любишь своим отражением в лужах?

— Только когда там отражается что-то стоящее, — ответил Яромир, останавливаясь в нескольких шагах. — А сегодня там была какая-то дама с дырами вместо глаз. Не ты ли часом?

Женщина сняла капюшон. Дождь тут же намочил её тёмные волосы, прилипшие ко лбу. Лицо было красивое, но жёсткое, с острыми скулами и тонкими губами, на которых застыла усмешка. Глаза — серые, как пепел. И очень усталые.

— Я похожа на даму с дырами? — спросила она.

— Нет. Ты похожа на Марту Винтерхальтер, — сказал Яромир. — Которая должна была быть мертва уже пять лет.

Усмешка сползла с её лица.

— А ты всё такой же проникательный, Савельев. И такой же грубый.

— Грубость — моя вторая натура. Первая — любопытство. И сейчас оно заставляет меня спросить: какого чёрта ты жива и зачем притащила меня сюда?

Марта отвернулась к перилам. Её пальцы сжались на мокром металле.

— Потому что началось снова, — сказала она. — То, что мы не закончили. То, из-за чего меня не стало.

— Не стало? — Яромир хмыкнул. — Ты выглядишь вполне осязаемой.

— Для тех, кто смотрит прямо. Но если ты посмотришь на меня в зеркало...

Она не договорила. Яромир и сам понял. Он медленно вытащил из кармана маленькое карманное зеркальце — обычное, без магии, но в Веруме даже обычные зеркала иногда показывали лишнее. Направил на Марту.

В зеркале была пустота. Только мост, дождь и перила. Никакой женщины.

Яромир медленно убрал зеркальце.

— Так вот почему ты написала «приходи один». Ты не можешь войти в комнату с зеркалом. Василиса бы тебя не впустила.

— Василиса, — Марта усмехнулась. — Значит, она всё ещё с тобой. Я думала, ты её продал.

— Продал? — Яромир нахмурился. — С чего бы?

— Потому что за неё предлагали целое состояние. За дух прорицательницы в зеркале. Ты разве не получал предложение?

Яромир промолчал. Он получал. И не одно. Каждое сжёг в печке, не читая.

— Я не продаю тех, кто меня терпит, — сказал он наконец. — Но вернёмся к делу. Кто смеётся по ночам?

Марта посмотрела на него долгим взглядом. Потом перевела его вниз, на Разлом. И впервые за весь разговор в её голосе появился страх.

— Ты помнишь то дело? Пять лет назад? Женщина, которая смеялась во сне. Её звали Аглая. Она была вдовой часовщика с верхнего яруса. Мы тогда решили, что её убил муж. Нет, не перебивай. Мы ошиблись. Её убило **то, что смеётся**. То, что живёт в Разломе. Оно смеётся голосами тех, кого забирает. И оно забирает не тела, а **время**. Час за часом. Пока жертва не становится пустой. Пока от неё не остаётся только смех и царапины на зрачках.

— И ты, — тихо сказал Яромир, — стала одной из них?

Марта покачала головой.

— Нет. Я стала той, кто слышит. После того как оно меня коснулось, я перестала отражаться. Но начала слышать. Всех. Каждую ночь. Их смех. Их крики. Их последние слова. И я знаю, что оно снова поднялось. Оно выбрало новую жертву.

— Кто?

Марта повернулась к нему. В её серых глазах отразился свет далёкого фонаря. И на мгновение Яромиру показалось, что вместо зрачков у неё — те самые царапины.

— Моя дочь, — сказала она. — Оно выбрало мою дочь. И если ты не поможешь, через три дня от неё останется только смех.

Яромир посмотрел на Бубен. Рука лежала неподвижно, но большой палец медленно, едва заметно, провёл по указательному — жест, который у них означал: «Она не врёт».

— Ладно, — сказал Яромир. — Рассказывай всё. С самого начала. И на этот раз постарайся не исчезать в самый интересный момент.

Марта улыбнулась. Но улыбка вышла кривая, как отражение в треснувшем зеркале.

— Ты даже не представляешь, как я ждала этих слов, Бес.

Дождь усилился. Где-то за их спинами, в проулках, снова послышался смех. На этот раз — ближе.

Конец второй главы

Глава 3. Мастерская с привидениями

Мастерская дочери Марты находилась на среднем ярусе, в доме, который выглядел так, будто его собрали из обломков трёх разных зданий. Крыша — с готического особняка, стены — с фабричного цеха, а окна — с какого-то зимнего сада, потому что стёкла были разноцветные,

в свинцовых переплётках, и напоминали витражи. Всё это тонуло в тумане, который здесь был гуще обычного, и пахло не то краской, не то горелым сахаром.

— Симпатичное место, — сказал Яромир, разглядывая фасад. — Если смотреть на него через пол-литра настойки.

— Это была мастерская моего отца, — отозвалась Марта. — Айрис переделала её под себя. Она говорила, что здесь «дышится иначе». Я не понимала, что это значит. Теперь боюсь, что понимаю.

— И что же это значит?

— Здесь Бездна ближе. Не физически. Тоньше грань. В этой части города сны и явь смешиваются, если не носить обереги. Айрис оберегов не носила. Она их создавала. Для других. А сама ходила без защиты, потому что считала, что «страх притягивает тьму».

— Умная девочка, — пробормотал Яромир. — Жаль, что неправая.

Он толкнул дверь. Она была не заперта — и это было плохим знаком. В Веруме не оставляют двери открытыми. Даже те, кому нечего терять, закрываются на ночь. Иначе в дом зайдёт не вор, а нечто похуже.

Внутри было темно, но темнота была не обычная. Она была **настоявшаяся** — плотная, как кисель. Яромир щёлкнул пальцами правой руки, и на кончике указательного вспыхнул огонёк. Маленький, синеватый, но его хватило, чтобы разогнать мрак на пару шагов вокруг.

Мастерская выглядела так, будто её покинули в спешке. На длинном верстаке — ворох инструментов, шестерёнки всех размеров, мотки медной проволоки, осколки кристаллов, которые здесь называли «**слезами Бездны**». На стенах — чертежи, исписанные мелким убогим почерком, с пометками на полях вроде: «не сходится», «проверить на себе», «слишком громко в ушах». Под потолком висели незаконченные механизмы — птицы, пауки, какие-то хитроумные конструкции, похожие на скелеты насекомых.

— Мило, — сказал Яромир. — Очень мило. Прямо логово безумного изобретателя.

— Айрис не была безумной, — резко сказала Марта.

— Я и не говорю, что была. Я говорю, что интерьер напоминает. Разница есть.

Бубен дёрнулся. Яромир проследил за его пальцем. В углу, у окна, стоял манекен. Старый, деревянный, с трещиной на лице. Такие используют портные, но этот явно использовали не по назначению: на груди у него был прибит циферблат, а из плеч торчали пружины, как будто кто-то пытался заставить манекен двигаться.

— Это её «ассистент», — пояснила Марта. — Она звала его Филимон. Айрис говорила, что он помогает ей «держат ритм».

— Какой ещё ритм?

— Не знаю. Я в её дела не лезла. Она была взрослой. И очень талантливой.

Яромир подошёл к манекену. Тот стоял неподвижно, но Яромиру показалось, что трещина на лице стала шире, чем была секунду назад. Бубен потянулся вперёд, ладонью вверх, как будто хотел коснуться циферблата.

— Не надо, — предупредил Яромир.

Бубен не послушал. Он цапнул циферблат и сорвал его с груди манекена. Раздался треск, и по комнате прокатилась волна холода. Затем — тишина. А потом манекен медленно, с жутким скрипом, повернул голову к Яромиру.

— Ох ты ж, — вырвалось у него.

Голова повернулась до упора, как у совы. И в пустых глазницах манекена зажглись два зелёных огонька. Он открыл рот — в буквальном смысле: нижняя челюсть отвалилась, как у сломанной куклы, и оттуда вырвался звук. Не крик. Не скрип. А **смех**. Тот самый. Вдовый. Переливчатый, холодный, идущий откуда-то из глубины.

Марта отшатнулась.

— Это он! — крикнула она. — Это его голос!

Яромир не стал дожидаться, пока манекен сделает что-то ещё. Он выхватил гвозде́м и выстрелил. Серебряный гвоздь вошёл точно в центр циферблата, который всё ещё сжимал Бубен. Манекен задрожал, заскрежетал, а потом затих. Огоньки в глазницах погасли.

Тишина.

— Ну? — Яромир посмотрел на Бубен. — Доволен?

Бубен разжал пальцы. Циферблат упал на пол и разбился. Внутри оказалось нечто странное: не шестерёнки, а комок спутанных чёрных нитей, похожих на волосы. Они шевелились, как живые, и пахли палёным.

— Это прядь, — прошептала Марта. — Человеческие волосы. Закрученные вокруг оси времени.

— Что?

— Айрис экспериментировала с «часами наоборот». Она хотела понять, можно ли повернуть время вспять. Не физически, а в памяти. Чтобы воскрешать воспоминания. Она говорила, что в Разломе время течёт иначе. Что там можно «подобрать» то, что уже ушло.

Яромир посмотрел на неё долгим взглядом.

— Твоя дочь хотела подобрать время? Из Бездны?

— Да.

— И, судя по всему, она это сделала.

Марта закрыла лицо руками.

Они обыскали мастерскую. Нашли дневник Айрис — потрёпанную тетрадь в кожаном переплёте, исписанную уже знакомым почерком. Яромир открыл последнюю запись. Там было всего две строки:

«Оно приходит, когда я закрываю глаза. Оно смеётся моим голосом. Я боюсь, что скоро разучись смеяться сама».

Ниже — рисунок. Тот же, что и на письме: глаз с царапинами на зрачке.

— Это началось за неделю до исчезновения, — сказала Марта, заглядывая через плечо. — Я не знала. Она не говорила. Она вообще мало говорила в последнее время.

— А это что? — Яромир указал на стопку писем на краю верстака. Они были перевязаны бечёвкой. Адреса не было. Только одно слово на конверте: **«Ему»**.

— Не трогай, — попросила Марта.

— Поздно.

Яромир сломал печать. Внутри оказался лист бумаги с единственной фразой:

«Если ты читаешь это, значит, я уже не дышу. Латунный бес, не верь тем, кто смеётся. Они не те, кем кажутся. И я — не та, кем стану».

Яромир перечитал. Потом ещё раз. Медленно.

— Значит, она знала, что ты придёшь, — тихо сказал он. — И оставила тебе весточку.

— Она оставила её не мне, — ответила Марта. — Она оставила её тебе. Но я не понимаю, почему.

— Потому что она знала, что ты не сможешь меня найти в одиночку.

— А ты смог бы?

— Я Латунный бес. Меня находят те, кому некуда больше идти.

Он сунул письмо во внутренний карман, туда, где уже лежало первое. Два письма. Два предупреждения. И ни одного прямого ответа.

Когда они выходили из мастерской, Бубен вдруг замер. Яромир проследил за его взглядом. На полу, у порога, лежал маленький предмет. Он нагнулся. Это была механическая птица. Та самая, что висела под потолком, только теперь сломанная. Одно крыло оторвано, а в брюшке зияла дыра, из которой торчали провода.

И она шевелилась.

Яромир отпрянул. Птица задёргалась, как в агонии, а потом из её клюва вырвался звук. Не чирикание. Не скрип. А шёпот. Тихий, едва различимый.

— «Оно уже здесь», — прошептал шёпот голосом, который Яромир не слышал никогда, но который показался ему до боли знакомым. — «Оно в тебе. Оно в ней. Оно в каждом, кто слышит смех».

Птица затихла.

Яромир выпрямился. Сердце билось в груди, как молот по наковальне. Бубен сжался в кулак, а потом медленно, очень медленно, показал указательный палец. На кончике палец дрожал. И на нём, прямо на латуни, отпечатался след. Тонкий, как царапина.

— Пошли, — сказал Яромир. — Нужно уходить.

— Куда? — спросила Марта.

— К тому, кто знает больше моего. К зеркалу.

Они вернулись в башню под утро. Дождь наконец ослабел, но туман стал гуще — такой бывает только перед рассветом, когда Бездна «выдыхает» самое тёмное.

Яромир первым вошёл в комнату. Зеркало встретило его сразу. Василиса не стала прятаться. Она стояла в отражении, бледная, с распущенными волосами, и смотрела на него так, будто хотела что-то крикнуть, но не могла. Её руки были прижаты к стеклу изнутри, как будто она пыталась выбраться.

«ЗА ТОБОЙ ПРИШЛИ» — проступило на амальгаме.

Яромир обернулся.

В дверном проёме, за спиной Марты, стояла тень. Она была выше человека, но тоньше. И у неё не было лица. Только два длинных, как иглы, осколка зеркала вместо глаз.

— Яр... — начала Марта, но не договорила.

Тень рванулась вперёд.

Бубен среагировал сам. Он выбросил вперёд ладонь, и из неё, как из метателя, вылетел гвоздь. Серебряный. Он вошёл точно в один из осколков-глаз. Раздался звон — и тень рассыпалась, как разбитое стекло, на тысячу осколков. Они упали на пол и затихли.

Тишина.

— Это был... — Марта не могла отдышаться. — Это был он?

— Нет, — ответил Яромир. — Это был только посланник. Щепка от зеркала. Он где-то ещё. И он знает, что мы вернулись.

Он подошёл к окну и выглянул наружу. На подоконнике, среди капель дождя, лежала маленькая механическая птица. Целая. С блестящими крыльями. И она смотрела на него рубиновыми глазами.

— И он хочет, чтобы мы знали, что он знает, — добавил Яромир.

Птица щёлкнула клювом.

Конец третьей главы

Глава 4. Слепой переулок

Слепой переулок назывался так не потому, что был тупиковым. Он был именно слепым: дома здесь стояли так тесно, что света не видели даже в полдень. А ещё в нём водились особые фонари — они не горели, а лишь делали вид, что горят, разгоняя не тьму, а тени, отчего казалось, будто из стен вылезают корявые руки. Местные жители давно привыкли. Некоторые даже здоровались с этими руками.

Яромир шёл по переулку, стараясь не наступать на то, что шевелилось под ногами. Бубен, наоборот, тянулся к каждой подозрительной луже и норовил в неё сунуть палец.

— Прекрати, — шипел он. — Ты не ребёнок, чтобы всё хватать.

Бубен показал ему фигу. Яромир уже не удивлялся. Он удивлялся только тому, что Бубен не пытался оторваться и уползти в канаву.

Нужное место он нашёл по запаху. Пахло там, как в лавке старьевщика, который не выносил мусор лет двадцать. Маленькая дверь, обитая жестью, с колокольчиком из чьей-то челюсти. Яромир толкнул её плечом.

Внутри было не лучше. Вдоль стен громоздились коробки, банки, склянки, чучела неведомых тварей и куклы. Много кукол. Они сидели на полках, свесив ноги, и смотрели на вошедшего стеклянными глазами. Некоторые, Яромир готов был поклясться, моргнули.

— Эй, Мефодий! — позвал он. — Ты живой ещё?

— Заходи, раз пришёл, — отозвался скрипучий голос из глубины. — И дверь прикрой. Сквозняк. А то у меня вон та кукла начнёт чихать, а у неё аллергия на живых.

Яромир зашёл и прикрыл дверь. Кукла на верхней полке действительно чихнула. Или ему показалось.

Мефодий был стар, как сам Разлом. Худой, сгорбленный, с бельмом на левом глазу и правым, который видел слишком много, чтобы оставаться ясным. Он сидел за прилавком, заваленным безделушками, и помешивал что-то в жестяной кружке. По лавке плыл запах сушёных грибов и горя.

— Чай будешь? — спросил Мефодий, не поднимая головы.

— Смотря из чего.

— Из пыли и надежды.

— Тогда не буду.

— А придётся. У нас, знаешь ли, не ресторан.

Он налил мутной жидкости в щербатую чашку и пододвинул к Яромиру. Тот посмотрел на чашку. Бубен потянулся к ней, но Яромир одёрнул руку.

— Не балуй.

— Он у тебя всё такой же? — Мефодий наконец поднял взгляд. — Всё хватает, всё щупает?

— Хуже. Теперь ещё и ритмы выбивает. По ночам.

— Это он с Бездной разговаривает. Или с той, что в зеркале. Они, говорят, не ладят.

— Они не разговаривают, — возразил Яромир. — Они перестукиваются. Как два соседа-алкоголика через стенку.

Мефодий усмехнулся щербатым ртом.

— Зачем пришёл, Бес? Я слышал, ты опять влез в дело с вдовым смехом.

— Слышал — значит, уже весь нижний ярус знает.

— Знает, — подтвердил старик. — И не только нижний. Верхние тоже заинтересовались. Особенно те, кто боится, что всплывёт то, что должно остаться на дне.

— И что же должно остаться на дне?

Мефодий подался вперёд. Его здоровый глаз блеснул, как осколок бутылочного стекла.

— Айрис Винтерхальтер не просто пропала, — сказал он. — Она нашла способ слушать. Она создала устройство, которое улавливает шёпот из Разлома. Не тот, что сводит с ума, а тот, что несёт информацию. Она хотела понять, почему некоторые смеются во сне.

— И что она поняла?

— Она поняла, что смех — это не просто звук. Это **побочный эффект**. Когда существо из Бездны высасывает из человека время, оно оставляет в нём пустоту. И пустота эта резонирует. Как колокольчик на ветру. Звенит, смеётся, зовёт. Те, кто слышит этот смех, — следующая еда.

Яромир молчал. Чай он так и не выпил. Бубен стащил чашку и теперь нюхал её, как заправский дегустатор.

— Значит, смех — это приглашение, — произнёс он.

— Скорее, напоминание, — поправил Мефодий. — Что твоё время на исходе.

— У всех нас время на исходе.

— Да, но у тебя его чуть больше, чем у других. Потому что ты уже один раз отдал кусок себя Бездне. И она его запомнила.

Яромир посмотрел на Бубен. Рука как ни в чём не бывало выливали чай обратно в кружку.

— Это не я отдал, — сказал он. — Это она взяла.

— Ну да, ну да, — Мефодий откинулся на спинку стула. — Дело не в том, кто первый начал. Дело в том, кто последний засмеётся.

Он замолчал. В лавке стало тихо. Только куклы на полках едва слышно дышали.

— Ладно, — Яромир поднялся. — Спасибо за чай и за загадки. Пойду искать того, кто смеётся последним.

— Иди. Но помни: слепой переулок не зря так зовётся. Отсюда не все выходят с открытыми глазами.

— Я уже вышел.

— Ты ещё здесь, — усмехнулся Мефодий.

Яромир направился к двери, но на полпути остановился. Обернулся.

— Ещё один вопрос. Что значит «царапины на зрачках»?

Мефодий долго смотрел на него. Потом медленно, как будто каждое слово стоило ему сил, произнёс:

— Это когда ты смотришь в Бездну слишком долго, а Бездна смотрит в тебя через твои же глаза. И оставляет след. Подпись. Знак того, что ты ей понравился.

— И что потом?

— Потом она приходит за тобой. Не сразу. Может, через год. Может, через пять. Но приходит. И забирает то, что подписала.

— Время?

— Зрение, — сказал Мефодий. — Сначала зрение. А потом — всё остальное.

Из лавки Яромир вышел в ещё более густой туман. Бубен нервно постукивал по бедру. Яромир сунул руки в карманы плаща, но левую — осторожно, чтобы Бубен не укусил.

«Царапины на зрачках». Значит, Бездна подписывает тех, кто ей приглянулся. И Айрис, судя по рисункам, уже была подписана. Но она не ослепла. Она исчезла. И её мать, Марта, не отражается в зеркалах. А теперь ещё и механические птицы шьются за ними по пятам.

— Ну и денёк, — пробормотал он. — С утра ещё даже не пил.

Он достал из кармана флягу. Свинтил крышку. Внутри булькнуло. Яромир сделал глоток. Настойка на полыни обожгла горло и притушила тревогу. На пару секунд.

— Надо было остаться в кровати, — сказал он Бубену. — Спал бы себе, смотрел сны про нормальную жизнь.

Бубен сложил пальцы в жест, который на любом языке означал «не смей меня».

— И ты туда же, — вздохнул Яромир.

Он поднял воротник плаща и зашагал в сторону башни. Нужно было вернуться к Василисе. Она обещала показать ему что-то важное. И, судя по её последнему посланию, это «что-то» не входило в список приятных вещей.

Конец четвёртой главы

Глава 5. Отражение дождя

Дождь к вечеру не кончился — он переменялся. Из маслянистой мороси превратился в ровный, холодный ливень, который не падал, а стоял в воздухе: каждый прохожий проходил сквозь него, как сквозь мокрую простыню, и выходил с той стороны другим человеком. Так, по крайней мере, казалось Яромиру. Он давно заметил за собой эту особенность — в дождь город начинал двоиться, троиться, расслаиваться, и он никогда не мог с уверенностью сказать,

по какой из улиц идёт: по той, что вымощена булыжником, или по той, что отражается в нём, как в тёмном стекле.

Бубен выстукивал по бедру ритм — вязкий, синкопированный, будто крадущийся. Это был не марш и не пляска, а что-то третье, чему Яромир не знал названия. Он перестал одёргивать руку. Пусть. Иногда Бубен вёл себя разумнее иного осведомителя.

Василиса ждала его в башне. Он знал это ещё до того, как открыл дверь: из щелей под косяком сочился зеленоватый свет, какой бывает только у старого зеркала, когда оно чем-то взбудоражено. Так светятся в темноте гнилушки. Или глаза.

Он вошёл, стряхнул с плаща воду, но та не захотела стекать и повисла в воздухе мелкими каплями, точно его личная туча. Бубен по-свойски отряхнул рукав, и капли брызнули на пол, сложившись в нечто, напоминающее букву «Ж».

— Очень остроумно, — сказал Яромир.

Зеркало не ответило. Оно стояло в углу, но отражало не комнату, а нечто иное: серую пустошь под низким небом, изрезанным трещинами. В центре пустоши, спиной к нему, стояла Василиса. Её волосы шевелились от невидимого ветра, а плечи были напряжены, как у человека, который вот-вот обернётся.

Он подошёл ближе.

— Ну и что ты там увидела? — спросил он. — Куда смотреть? Что делать? Кого бить?

Стекло дрогнуло. По нему, как по льду, побежали трещины — но не настоящие, а отражённые, и Яромир понял, что Василиса не в зеркале. Она вышла из него. Впервые за всё время их знакомства она покинула серебряную гладь и теперь находилась где-то рядом, в отражениях дождя, в лужах, в мокрых стенах, в стёклах фонарей.

Он обернулся.

В дверном проёме, в тонкой плёнке воды на полу, возникло лицо. Перевернутое, бледное, с чёрными глазами, в которых плясали отражения несуществующих звёзд.

— Идти, — произнесла Василиса. Её голос был не звуком, а вибрацией в воздухе, от которой заныли зубы. — Идти. Показать. Там.

— Где «там»?

— Там, где дождь не падает, а поднимается.

Яромир выругался. Он терпеть не мог такие ответы — вроде и по-русски, а смысла ноль. Но спорить с Василисой было всё равно что спорить с зеркалом: оно всегда отвечает отражением твоей же глупости.

— Ладно, — сказал он. — Показывай. Только без фокусов. Я не в настроении для путешествий по изнанке.

— А придётся, — отозвалась она и растаяла в луже, оставив на её поверхности расходящиеся круги.

Они шли по городу, и город шёл сквозь них. Точнее, они шли сквозь него: Яромир, Марта, которая присоединилась на полпути, и Василиса — то в луже, то в витрине, то в мокром боку трамвая, проползающего мимо. Она вела их вниз, к нижнему ярусу, где дождь действительно вёл себя странно: капли не падали, а взмывали вверх, как будто их тянуло к небу, которого здесь не было видно.

— Это место зовут Подъём, — тихо сказала Марта. Она всё ещё держалась в тени, подальше от любых отражающих поверхностей. — Здесь когда-то был колодец, из которого брали воду для верхних ярусов. Потом вода ушла, и колодец стал дышать снизу. Теперь здесь не вода, а пар. И он идёт вверх.

— Я заметил, — буркнул Яромир, шурясь. — У меня уже ресницы мокрые с обратной стороны.

Бубен фыркнул. Или это был ветер.

Василиса вынырнула из лужи — прямо у ног Яромира — и указала вперёд. Там, в тумане, проступали очертания здания. Оно стояло на сваях, как больная птица на тонких ногах, и раскачивалось, хотя ветра не было. Окна были заколочены, но сквозь щели пробивался свет. Не живой, не ламповый, а какой-то сумеречный, как будто внутри гнила луна.

— Что это? — спросил он.

— Старая лечебница, — ответила Марта. — В неё свозили тех, кто смеялся во сне. Говорят, их держали в подвалах, чтобы не будили соседей. А потом лечебницу закрыли. Но не потому, что вылечили.

— А потому что?

— Потому что однажды ночью она засмеялась. Вся. Сразу.

Яромир посмотрел на Василису. Та кивнула. Её отражение в луже было неподвижным, но по щеке катилась капля — единственная, от которой шёл пар.

— Она не просто так нас сюда привела, — сказал он. — Внутри кто-то есть.

— Или что-то, — добавила Марта.

Бубен сжался в кулак, а потом разжался и растопырил пальцы. Это был его способ сказать: «Я первый». Яромир не стал спорить. С некоторых пор он доверял этой наглой, своевольной, проклятой руке больше, чем иным людям.

— Идём, — решил он. — Только тихо. Если услышим смех — не отвечаем. Если увидим зеркало — не смотрим. Если встретим кого-то, кто попросит у нас время, — шлём его к Бездне.

— А если он не пойдёт? — спросила Марта.

— Тогда шлём его дважды. Гвоздями.

Внутри лечебницы пахло так, как пахнет в местах, где долго держали больных: йодом, сыростью и тихим отчаянием, въевшимся в стены. Пол скрипел под ногами, хотя Яромир ступал осторожно. Каждый скрип отзывался в коридорах долгим эхом, как будто здание повторяло его шаги, чтобы запомнить.

Василиса вела. Она перетекала из одной поверхности в другую: вот её лицо мелькнуло в осколке стекла, вот — в натёке на стене, вот — в ржавой лохани, брошенной у входа. Яромир шёл за ней, держа гвоздемёт наготове.

В одной из палат они нашли то, что осталось от пациентов. Не тела — пустоты. Пустые койки, на которых отпечатались человеческие силуэты. Под ними — лужицы какой-то тёмной жидкости, которая не высыхала. А над койками, на стенах, — сотни царапин. Они складывались в один и тот же рисунок: глаз с расчерченным зрачком.

— Это были его первые, — прошептала Марта. — Те, кого оно забрало, когда ещё не умело забирать полностью.

— Оно училось, — тихо сказал Яромир. — Пять лет оно училось. А теперь вернулось. И выбрало новую жертву.

— Почему Айрис? — голос Марты дрогнул.

— Потому что она хотела его понять. А те, кто пытается понять Бездну, становятся для неё самыми лакомыми кусками.

В этот момент Бубен дёрнулся и указал в глубь коридора. Там, в самом конце, стояла дверь. Обычная, деревянная, с облупившейся краской. На ней висела табличка: «Не входить. Смех разлит».

— Это они так шутили? — спросил Яромир.

— Это не шутка, — ответила Василиса, проступив на поверхности таблички. — Это предупреждение.

Яромир толкнул дверь.

Она открылась легко, будто ждала.

Внутри было светло. Свет шёл из большого зеркала в полный рост, висевшего на стене. Но отражалось в нём не помещение, а совсем другое место: комната, очень похожая на кабинет

Яромира. Только в ней не было ни стукотушки, ни плаща, ни бутылок. Только стол, стул и человек, сидящий спиной к зеркалу.

— Кто это? — спросил он.

— Ты, — ответила Василиса. — Только не здесь. А там, где дождь поднимается.

Человек в зеркале медленно обернулся.

И Яромир увидел своё лицо. Но на нём не было глаз. Только две глубокие царапины, которые кровоточили.

Конец пятой главы

Глава 6. Там, где дождь поднимается

Зеркало не дышало, но воздух вокруг него был живой — он подрагивал, как над раскалённой сковородой, и пах озоном, как после долгой грозы, которая разразилась где-то не здесь. Свет, лившийся из амальгамы, был не ярким, но плотным, будто разбавленное молоко, и он не отбрасывал теней. Тени здесь вообще вели себя неправильно: они лежали на полу, как тряпки, и не шевелились, когда Яромир проходил мимо.

Человек в зеркале смотрел на него пустыми глазницами. Точнее, не смотрел — у смотрящего должны быть глаза. А у этого были только две рваные борозды, из которых сочилась тёмная, почти чёрная жидкость. Она стекала по щекам, как смола, и капала на пол — но не на тот пол, что был в отражении, а на настоящий, у ног Яромира. Капли падали с зеркальной поверхности наружу, в мир, и оставляли на досках маленькие дымящиеся лужицы.

— Это очень плохо, — произнёс он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Потому что у меня нет привычки любоваться собой по утрам, а тут такое. Хоть бы причесали.

— Ты всегда так шутишь, когда боишься? — спросил человек из зеркала.

Голос был его собственный. Только глуше, как будто шёл из-под воды. Или из-под земли.

— Всегда, — признался Яромир. — Это профессиональная деформация. А ты, стало быть, я?

— Я — то, что осталось, когда ты отвернулся.

— От чего?

— От себя.

Яромир хмыкнул. Бубен настороженно замер, прижавшись к бедру, как пёс, почуявший чужака. Марта стояла чуть позади и, кажется, не дышала. Василиса растаяла из таблички и теперь отражалась в самих каплях, свисающих с потолка: в каждой — по лицу, и все лица смотрели на него.

— Это изнанка, — сказала она. Её голос прозвучал сразу отовсюду, как будто заговорил сам дождь. — Здесь время идёт вниз. Здесь тени помнят, а люди забывают. Здесь ты — не ты. Здесь ты — то, что от тебя осталось.

— Спасибо за экскурсию, — кивнул он. — А теперь можно попроще? Что нужно делать, чтобы выбраться отсюда и не оставить здесь свои глаза?

— Не смотреть, — ответило отражение. — Но ты уже посмотрел.

— И что теперь?

— Теперь я смотрю на тебя.

Яромир почувствовал, как в висках застучало. Мелко, противно, в ритм того, что выбивал Бубен. Рука-паразит дрожала, как натянутая струна. Он понял, что отражение не лжёт. Оно теперь — часть его. Или он — часть его. И эта связь с каждой секундой становилась прочнее.

— Ладно, — сказал он, стараясь не сорваться. — Раз уж мы такие близкие, может, расскажешь, зачем меня сюда притащили? Ты, надеюсь, не просто так сидишь в этом промозглom месте и портишь мне настроение.

— Ты пришёл, потому что Айрис хотела тебя видеть.

— Она здесь?

— Она везде, — отражение шевельнуло губами, и Яромир с ужасом понял, что это его собственные губы, только искривлённые в чужую усмешку. — Она рассыпалась на отражения. Как и твоя прорицательница. Но, в отличие от неё, Айрис не успела собраться.

— И что же ей от меня нужно?

— Чтобы ты остановил того, кто смеётся.

— Оригинально. А конкретнее?

— Конкретнее не будет, — отражение подняло руку. Левую. И Яромир увидел, что на ней нет ни одной шестерёнки. Обычная человеческая ладонь. Бледная, с длинными пальцами. — У тебя есть то, чего нет у него. И он это знает. Поэтому он и охотится не только за девочкой. За тобой. За твоей рукой. За твоим зеркалом. За всем, что ты считаешь своим.

Яромир перевёл взгляд на Бубен. Тот притих. Даже пальцы перестали подрагивать.

— Значит, нам всем крышка? — попытожил он.

— Если не научишься видеть.

— Я и так вижу достаточно.

— Ты видишь только то, что лежит на поверхности. А он живёт под ней. И царапает зрачки тем, кто пытается заглянуть глубже.

В этот момент Бубен дёрнулся и, не дожидаясь команды, рванулся вперёд. Яромир едва не вскрикнул — рука потянула его к зеркалу. Ладонь раскрылась, пальцы вцепились в край рамы, и Бубен с силой, которой Яромир от себя не ожидал, ударил по амальгаме.

Зеркало не разбилось. Оно пошло рябью, как вода, и поглотило удар. А потом ответило.

Из глубины стекла вырвался смех. Тот самый. Вдовий. Он заполнил комнату, выбился в коридор, ввинтился в стены. Яромир зажал уши, но смех шёл не снаружи — он звучал внутри, под черепом, как будто кто-то смеялся его же голосом.

— Прекрати! — заорал он, не слыша себя.

Отражение в зеркале улыбнулось. Широко. Так широко, что уголки губ треснули, и подбородку потекла та же тёмная жижа.

— Слушай, — прошептало оно. — Слушай, как поёт твоё время.

Яромир выхватил гвоздемёт правой рукой. Прицелился. Но стрелять было не в кого. Зеркало снова стало просто зеркалом — пыльным, старым, с трещиной от верхнего угла до середины. В нём отражались только он, Марта и пустая палата за спиной.

— Он ушёл, — тихо сказала Марта. Она всё ещё стояла у стены, и её лицо было блее известки.

— Нет, — ответил Яромир, опуская оружие. — Он не уходил. Он просто показал, что может быть везде, где есть отражение. А значит, мы больше нигде не в безопасности.

Он развернулся и направился к выходу. Ноги были ватные, но шли. Бубен виновато стучал по бедру: три коротких, два длинных. «Прости-прости».

— Переживу, — буркнул Яромир. — Но чтобы больше никаких самовольных ударов по зеркалам. Договорились?

Бубен сложился в кулак и оттопырил большой палец вверх.

— Ладно. Живи пока.

Они выбрались из лечебницы, когда дождь перестал. Вернее, он переместился: теперь капли висели в воздухе, не падая и не поднимаясь, — будто время замерло, застеснявшись. Яромир никогда такого не видел. Это было красиво и жутко одновременно, как застывший взрыв.

По дороге обратно Бубен неожиданно рванулся в сторону и нырнул в тёмный проём между домами. Яромир выругался и бросился следом. Марта не отставала.

В проулке, среди гнилых ящиков и ржавых труб, стояла шарманка. Старая, обшарпанная, с потёртой рукояткой и дырой в боку, из которой торчали пружины. Она выглядела так, будто умерла лет двадцать назад, но почему-то ещё пахла свежей смазкой.

Бубен вцепился в рукоятку.

— Нет, — сказал Яромир. — Даже не думай.

Бубен начал крутить.

— Я сказал — нет!

Шарманка всхлипнула. Потом заскрипела. Потом из её нутра вырвался звук — не музыка, а какой-то потусторонний вальс, от которого у Яромира встали дыбом все волоски на теле. Мелодия поплыла по проулку, отражаясь от стен, и вдруг — смех. Десятки, сотни смехов — тихих, вкрадчивых, перетекающих один в другой, как ручьи.

— Заглуши! — рявкнул он.

Бубен крутил быстрее. Шарманка надрывалась. Смех становился громче, ближе, и Яромир уже слышал в нём голоса: детский, старушечий, мужской, женский. И свой собственный.

— Ах ты ж...

Он выстрелил. Гвоздь вошёл точно в центр шарманки. Раздался звон, будто лопнула струна, и всё стихло. Бубен разжал пальцы. Шарманка затихла. Только из дыры в боку медленно выползла тонкая струйка дыма.

— Ты что, сговорился с ней? — прошипел Яромир, глядя на руку.

Бубен показал два пальца: «мир, дружба, жвачка».

— У тебя нет жвачки.

Бубен изобразил поклон.

— Идиот, — подытожил Яромир и зашагал прочь, не оглядываясь.

В башне их ждала Василиса. Она снова была в зеркале, но не в своей обычной комнате-отражении, а в каком-то другом пространстве: за её спиной угадывались очертания лестницы, уходящей вниз, в темноту.

«ТЫ СЛЫШАЛ ЕГО ГОЛОС» — проступило на стекле.

— Слышал, — признался Яромир. — И мне это не понравилось.

«ЭТО НЕ ОН СМЕЁТСЯ. ЭТО МЫ. ТЕ, КОГО ОН ЗАБРАЛ»

Яромир долго смотрел на эти слова.

— Значит, вы все ещё там. Внутри него.

«МЫ — ЕГО ПАМЯТЬ. И ЕГО ГОЛОД»

— И что нам делать?

«СЛУШАТЬ. НЕ ТОЛЬКО СМЕХ. ТО, ЧТО ПОД НИМ»

Яромир опустился в кресло. Бубен тихо лежал на подлокотнике, как нагулявшийся пёс. Марта села на пол у стены, обняв колени.

— Хорошо, — произнёс он. — Слушать. Значит, будем слушать.

За окном город дышал. Где-то далеко застонал трамвай. И в этом стоне Яромиру вдруг почудились слова.

Он закрыл глаза.

И услышал.

Конец шестой главы

Глава 7. Голос под смехом

Он уснул под утро, сам не заметив как. Сон был не сном, а провалом: чёрным, липким, без образов. Только в самом конце, уже на выходе, мелькнуло что-то — узкая улица, фонарь, качающийся на ветру, и девочка, которая шла по мокрой мостовой, не оставляя следов. Она обернулась. Яромир не успел рассмотреть лицо. Вместо него — царапины на зрачках. Крупным планом.

Он проснулся оттого, что Бубен лежал у него на груди и выстукивал по ключице. «Тук-тук. Ту-ту-ту». Как будто хотел сказать: «Вставай, дружище, у нас опять проблемы».

Яромир открыл глаза. В комнате было темно, но в этой темноте что-то было не так. Слишком тихо. Даже дождь за окном шёл беззвучно, как будто из ушей вынули пробки. И пахло не сыростью, а нагретым металлом. Так пахнет перед грозой. Или перед бедой.

— Который час? — спросил он хрипло.

Бубен показал пять пальцев, потом сжал кулак и снова разжал. Это не было временем. Это был сигнал: «что-то приближается».

Яромир сбросил руку с груди и сел. Голова гудела, будто в ней всю ночь играл оркестр расстроенных трамваев. Он сунул ноги в сапоги, накинул плащ. Подошёл к окну.

Улица внизу была пуста. Не просто пуста — **выскоблена**. Ни прохожего, ни кошки, ни бумажки. Только пар поднимался от мостовой и закручивался в невысокие вихри, похожие на маленьких смерчей. И фонарь. Одинокий, на углу, мигал, как человек, который хочет что-то сказать, но не решается.

— Понял, — прошептал Яромир. — Сегодня будет весело.

Он взял гвоздёмёт, проверил барабан. Пять гвоздей. Ещё шесть в кармане. Мало. Но, бывало, и хуже.

— Вась, — позвал он.

Зеркало ожило. По его поверхности пошли круги, как по тёмной воде, и в них проступило лицо Василисы. Она выглядела уставшей. Даже в отражении под глазами залегли тени, которых у мёртвых быть не должно.

«**ОН РЯДОМ**» — проступило на стекле.

— Знаю. Я его чую. Как тухлую рыбу, завёрнутую в дорогие духи.

«**ОН СЛЫШИТ ТЕБЯ**»

— Пусть слушает. Может, поумнеет.

«**ОН СЛЫШИТ ТВОЙ СТРАХ**»

Яромир усмехнулся. Криво, но усмехнулся.

— Значит, он сейчас оглохнет. Потому что страха нет. Есть только лёгкое недопонимание между мной и реальностью.

Василиса не ответила. Только по зеркалу прошла трещина — тонкая, едва заметная, но Яромир готов был поклясться, что её не было раньше.

Марту он нашёл на лестнице. Она сидела на ступеньке, прижав колени к груди, и смотрела в одну точку перед собой. В сумраке её лицо, казалось, вырезанным из старого пергамента.

— Ты не спала, — сказал Яромир.

— Я не сплю уже пять лет, — ответила она. — С тех пор, как перестала отражаться.

— Почему?

Она подняла на него глаза. Серые, как пепел, и такие же холодные.

— Потому что когда оно коснулось меня, то забрало не тело. Оно забрало моё отражение. Выпило его, как воду из стакана. Теперь я — только оригинал. А оригиналам в этом мире не место.

Яромир присел рядом. Лестница пахла старой пылью и кошками.

— И что ты чувствуешь? — спросил он.

— Пустоту. Будто из меня вынули что-то важное. Не душу — душа на месте. А вот... образ. Тень. Я смотрю на руки и не понимаю, почему они не светятся в темноте. Почему я не гасну, когда закрываю глаза.

— Это пройдёт.

— Не пройдёт. Это не болезнь. Это ампутация.

Он помолчал. Потом достал флягу, свинтил крышку, протянул ей.

— Держи. Настойка. Пахнет хуже, чем твоя правда, но помогает.

Марта взяла флягу, сделала глоток. Поморщилась.

— Гадость.

— Зато честная.

Она вернула флягу. Яромир сделал глоток сам. Огненная дорожка прокатилась по горлу, и на секунду мир стал проще.

— Нужно идти, — сказал он. — Пока он не пришёл сюда.

— Куда?

— К тому, кто знает, о чём молчат трамваи.

Смотрителя мостов звали Аристарх. Жил он в будке на верхнем виадуке, откуда открывался вид на весь западный сектор Верума — черепичные крыши, ржавые купола, антенны, похожие на рёбра дохлых птиц. Добираться пришлось по узкому мостку, который раскачивался даже без ветра, а под ним, в молочной глубине, ворочалось то, что не имело названия.

— Не смотри вниз, — напомнил Яромир сам себе. — Смотри на перила. На скобы. На свои ноги. Всё, что угодно, только не вниз.

Бубен, разумеется, тут же потянулся к краю и свесил указательный палец, как будто хотел погладить туман.

— Ты у меня сейчас останешься без ног, — пообещал Яромир.

Бубен спрятал палец.

Аристарх встретил их на пороге. Маленький, сухонький, с морщинистым лицом, на котором жили только глаза — живые, цепкие, как у ворона. Он курил трубку, и дым от неё поднимался вверх, но потом, спохватившись, спускался вниз и уходил под дверь.

— Латунный бес, — проскрипел он вместо приветствия. — Думал, ты до меня не доберёшься.

— Я тоже так думал, — признался Яромир. — Но жизнь — штука с извращённым чувством юмора.

— Зачем пришёл?

— Спросить, почему трамваи стонут по ночам.

Старик пожевал губами, выпустил клуб дыма. Тот застыл в воздухе, как медуза, и медленно поплыл в сторону.

— Они не стонут, — сказал он наконец. — Они поют. Каждую ночь. В один и тот же час. Они поют песню тех, кого забрали.

— Кого забрали?

— Всех. Тех, кто смеялся во сне. Тех, кто смотрел в Бездну слишком долго. Тех, кто оставил в зеркалах свои отражения. Трамваи — как губки. Они впитывают эхо. А по ночам — отдают.

— И что они говорят?

— Не говорят. Поют. Но если прислушаться, можно разобрать слова.

Аристарх понизил голос, наклонился к Яромиру. От него пахло машинным маслом и сушёными травами.

— Сегодня ночью они пели про тебя, Бес.

— Что именно?

— «Он идёт по следу, но след идёт за ним. Он ищет смех, но смех уже внутри». И ещё — «не гонись за тем, кто не бежит».

Яромир переглянулся с Мартой. Та побледнела.

— Это угроза? — спросил он.

— Это диагноз, — ответил старик. — У тебя в зрачках царапины. Я вижу. Даже отсюда.

Яромир невольно коснулся лица. Нет, снаружи всё было цело. Но внутри, за глазами, что-то занозой сидело с самой лечебницы. А может, и раньше. С того самого дела пятилетней давности.

— Что мне делать? — спросил он.

— Не знаю, — честно ответил Аристарх. — Но, если бы ты был моим сыном, я бы посоветовал тебе уехать.

— Куда?

— В город, где нет зеркал.

— Таких не бывает.

— Значит, ты в ловушке.

Яромир усмехнулся. На этот раз — почти весело.

— Это не ловушка, — сказал он. — Это мой дом.

Они возвращались другой дорогой — через нижний рынок, где торговали всем, что шевелится, и тем, что уже не шевелится, но продаётся. Народу было мало. Дождь снова начался, но не сверху — он шёл из мостовой, поднимаясь вверх, и каждый шаг давался с трудом, будто идёшь по колено в воде.

— Он знает, — сказала Марта.

— Кто?

— Тот, кто смеётся. Он знает, что мы ищем. И он не боится.

— Пусть не боится. Страх не помощник. А вот недооценка — отличный подарок.

— Ты его недооцениваешь?

— Нет. Я его переоцениваю. Чтобы потом, когда он ошибётся, успеть ударить.

Марта покачала головой.

— Ты не понимаешь. Он не ошибается. Он ждёт.

— Чего?

— Чтобы ты устал. Чтобы ты остался один. Чтобы ты сдался.

— Значит, будет ждать долго.

Яромир шагнул вперёд, и в этот момент Бубен сжался так, что захрустели костяшки. Он резко обернулся.

На стене дома, мимо которого они проходили, висело зеркало. Старое, в треснувшей раме, заляпанное грязью. В нём отражались они с Мартой. Но если Марта отсутствовала в отражении, как и следовало ожидать, то Яромир был виден. И не один.

За его спиной, в зеркале, стояла девочка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.